

О. Г. ШЕРЕМЕТЕВА

Надписи и отметки на книгах библиотеки Чаадаева

В 7-й главе «Евгения Онегина» Татьяна, скучая после отъезда Евгения из деревни, проникает в дом Онегина и там, заинтересовавшись его библиотекой, при помощи книг старается понять характер их хозяина.

Об интересах Онегина говорит ей прежде всего самый состав книг. Но, кроме того, на книгах она находит пометки, в которых «себя невольно выражает» душа Онегина. По этим отметкам она узнает, «какою мыслью, замечаньем бывал Онегин поражен» и «с чем молча соглашался он». Разбирая отметки, выраженные «то кратким словом, то крестом, то вопросительным крючком», и изучая библиотеку, она начинает понимать и ее хозяина.

Это описание можно отнести и к изучению всякой библиотеки; состав библиотеки всегда отражает вкусы, запросы и образованность владельца. Однако несравненно большую ценность в этом отношении представляют книги с пометками и надписями их хозяина; в таких книгах действительно отражается душа их собирателя.

К библиотекам такого рода принадлежит и библиотека самого Пушкина, и в еще большей мере — библиотека его друга П. Я. Чаадаева.

Библиотека эта стала собираться в Москве вскоре после переселения туда Чаадаева в 1822 году, была очень пополнена книгами, привезенными им из-за границы, и продолжала расти в течение всей жизни Чаадаева. После смерти Чаадаева в 1856 году она перешла по завещанию его племяннику М. И. Жихареву (см.: Соч. и пис<ьма> Чаадаева. Т. 1. С. 310). Библиотека была перевезена Жихаревым в его имение в Тамбовской губ. В 1866 году М. И. Жихарев пожертвовал ее в Московский Румянцев-

ский музей. Об этом пожертвовании он сообщает осенью 1866 года М. Я. Чаадаеву * следующим письмом (письмо хранится в Центральном музее литературоведения в Москве **):

«Москва, 4 ноября 1866 г.

Михаил Яковлевич, приближается день осьмого ноября, день Ваших именин, в который я обыкновенно к Вам пишу поздравление не потому, чтобы думал, что это поздравление Вам очень может польстить, а для того, чтобы Вам о себе напомнить. В настоящем случае мне еще есть сказать Вам несколько слов.

Прошлого года 10 декабря, стало быть, этому уже год почти, я Вам послал только что мною тогда оконченное “Жизнеописание” Петра Яковлевича и в то же время Вас просил его прочитать и дать мне знать, рукой какого-нибудь писаря и за Вашей подписью, Ваше об нем мнение. Вы моей просьбы исполнить, кажется, не рассудили, сколько я об этом сожалею, для каждого очень понятно.

Вам известно, что у меня осталась библиотека покойного Петра Яковлевича, но чего Вы не знаете, это того, что я ее совсем не для того взял, чтобы ею воспользоваться, а с той целью, чтобы ее сохранить. Ныне эта цель приводится к исполнению. В полном своем составе, приумноженная еще двумя значительными собраниями книг с портретами, картинами и бюстами, она передается мною Румянцевскому публичному музею, находящемуся в Москве на Знаменке, в доме бывш. Пашкова. Тысяча шестьсот сорок пять томов, много портретов, картин и все бюсты уже отданы, в середине зимы передам остальное, а к лету она уже будет поставлена, и на меди на вековечное или, по крайней мере, очень продолжительное время останется в Музее вырезанное имя Петра Яковлевича Чаадаева. Оба его портрета масляными красками, один в гусарском платье, другой — писанный гораздо спустя здесь, в Москве, в 1842 году, также будут навсегда находиться в Музее и туда уже отданы. Находящийся у Вас портрет, так как со своим собранием я вполне расстался, мне теперь уже более не нужен, но если бы Вы вздумали отдать его Музею, то можете прислать в Москву, адресуя на *Знаменку, в Румянцевский музей, господину Начальнику Музея, Евгению Федоровичу Коршу*. Господин Корш его примет с удовольствием и благодарностью.

Прошу Вас сказать мое почтение милостивой Государыне Ольге Захаровне. С чувством моего к Вам почтения и преданности остаюсь всегда готовый к услугам Михаил Жихарев».

В отчете Московского публичного и Румянцевского музея за 1866 год говорится... (Отчет. М., 1866. Библиотека. С. 68):

«Третье по важности место в числе прошлогодних наших приобретений занимает пожертвованное М. И. Жихаревым собрание из 3000 томов к бро-

* М. Я. Чаадаев — брат писателя.

** В настоящее время находится в Государственном литературном музее. См.: Герцен, Огарев и их окружение. М., 1940. С. 388.

шюр, 36 атласов, карт и планов, 25 разных портретов и 6 бюстов. Большую часть этого собрания составляет замечательная в своем роде библиотека покойного П. Я. Чаадаева, заключающая в себе, кроме многих повременных изданий, довольно большой и оригинальный выбор книг по части философии, истории, богословских и политических сведений и, наконец, по части беллетристики. Долгом своим считаем присовокупить, что собрание это находилось за последние годы в Тамбовском имении М. И. Жихарева и перевезено им оттуда за свой собственный счет, что при крайне ограниченных средствах Музея обязывает нас тем большею благодарностью к щедрому приносителю».

Нам не удалось установить акта приема библиотеки Румянцевским музеем. По-видимому, никаких данных о поступлении ее не сохранилось. Не сохранилось также и первоначального каталога или какой-либо описи, если таковые были.

Таким образом библиотека простояла 65 лет. О ней глухо упоминалось в путеводителях, справочниках и энциклопедических словарях (всего удалось собрать шесть упоминаний). Но, в общем, о ней забыли. В 1930 году исследователь Чаадаева Д. И. Шаховской заметил замену известного ему по надписям первого тома «Новой истории» Гизо (№ 312 — *Guizot F. P. G. Cours d'histoire moderne. Paris, 1829*) и стал хлопотать перед администрацией о допущении к шкафам галереи 9 для обследования существующей наличности библиотеки. После долгих переговоров с администрацией 5 июля 1932 года были начата опись библиотеки и в октябре составлен предварительный карточный каталог.

По литературным сообщениям о библиотеке можно было предполагать, что: 1) библиотека, полученная в 1866 году, была помещена в отдельных шкафах; 2) что она сохранилась целиком и 3) что она имела какой-то каталог. На самом деле не было ни того, ни другого, ни третьего. Только в конце сентября 1933 года заведующая отделом хранения Ю. А. Александрова, на основании вновь созданного каталога (, разместила) книги в отдельные шкафы. До перенесения же книг они помещались на открытых полках галереи 9. Библиотека была рассеяна между шкафами № 56–91, и ни в одном шкафу нельзя было встретить книг Чаадаева без примеси книг из какой-нибудь другой библиотеки. Однако при некотором навыке можно было безошибочно определить книги Чаадаева. Принадлежность книг к библиотеке определялась: 1) по пометкам самого Чаадаева, указывающего время и место покупки; 2) по его собственным надписям и отметкам; 3) по экслибрису; 4) по надписям авто-

ров, даривших Чаадаеву свои книги (Пушкин*, Герцен, Грановский, Шевырев, Катков и др.), и по упоминаниям в литературе о присылке книг Чаадаеву. Кроме того, довольно большое количество книг, около 35, носит совершенно одинаковый, сделанный в Дрездене, переплет. Вместо 3000 томов удалось восстановить всего 1235 томов, т. е. 676 названий, причем среди восстановленных книг почти совершенно отсутствуют русская литература (уцелели лишь книги с автографами) и вся периодика. Возможно, что и литература и периодика были выделены из общего состава книг и растворились в общей массе библиотеки или разошлись в качестве дублетов по другим книгохранилищам.

Если в библиотеке Пушкина надписи и пометки расплываются среди огромного количества книг (2151 название), то в уцелевшей до нашего времени библиотеке Чаадаева книги с надписями и пометками составляют половину (более 370 названий), а книги только с пометками — две трети всего количества.

Надписи на книгах охватывают, хотя не полно, но все области интересов владельца. Однако перед изучением надписей следует заметить: книги из библиотеки Чаадаева разбиваются на два определенных направления — философское и историческое. Если изучать только те книги, которые сохраняются в Ленинской библиотеке, то о Чаадаеве может составиться не совсем правильное понятие, так как, во-первых, от библиотеки, пожертвованной в Румянцевский музей Жихаревым, осталось, по-видимому, немногим более половины, а во-вторых, потому что в этой библиотеке преобладают сочинения философов-идеалистов и богословов, большей частью современников Чаадаева, и почти совершенно отсутствуют философы-рационалисты 17 и 18-го веков. Таким образом, можно было бы заключить, что Чаадаев не знал (как бы обошел) ни французской философии и энциклопедистов, ни английских философов. Такое заключение было бы крайне ошибочно; дело в том, что книги, сохранившиеся в Ленинской библиотеке, — не первое собрание книг Чаадаева. Первая библиотека, та, о которой упоминает Сопиков (см.: Опыт российской библиографии. Т. 1. С. 3–4) и которая начала собираться, когда Чаадаев был еще почти мальчиком, была продана им перед отъездом за границу, в 1821 году, декабристу Федору Петровичу Шаховскому (см.: Жихарев <М. И.> П. Я. Чаадаев // Вестник Европы. 1871. Т. IV. С. 190). Шаховской перевез книги в свое нижегородское имение «Ореховец» и

* Книга «Борис Годунов» с автографом поэта в настоящее время находится в Пушкинском доме.

составил им очень обстоятельный каталог. В 1871 году библиотека эта находилась уже в селе Верзилове Серпуховского уезда Московской губ., и расплылась, и бесследно пропала в конце прошлого столетия. Однако каталог ее сохранился у Д. И. Шаховского и был передан им вместе с другими бумагами в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ)*. По этому каталогу можно судить о составе книг этой первой библиотеки, а в ней-то как раз и преобладают философы-рационалисты и эмпирики.

Таким образом, чтобы составить понятие о круге чтения Чаадаева, нужно помнить, что до своей поездки за границу Чаадаев был основательно подготовлен по философии и истории (не следует также забывать, что братьям Чаадаевым читал приватно свой курс философии профессор Буле) и что сохранившаяся библиотека, составлявшаяся во время путешествия Чаадаева за границу и пополнявшаяся в течение всей его жизни, была как бы (внешним) завершением образования Чаадаева.

Как Пушкин, так и Чаадаев читали с карандашом в руках; и тот и другой набрасывают на своих книгах не только заметки, касающиеся данной книги, но и свои мысли вообще, совершенно посторонние характеру книги. На книгах Чаадаева мы встречаем наброски частей «Философических писем», афоризмы, различные заметки, отрывки из частных писем, мнения, адреса, рецепты, планы и даты, указывающие или время покупки книги, или время чтения, или вызванное книгой воспоминание. Кроме того, его книги покрыты массой значков, которыми он помечал поразившие его места. Эти карандашные отметки Чаадаев делал самым различным образом: иногда это просто вертикальная черта карандашом на полях, справа или слева против текста; иногда же к одной черте прибавляется вторая, рядом или с другой стороны текста. Против особо поразивших мест ставятся крест, звезда, круг, похожий на греческую омегу. Иногда на полях появляются отметки вроде музыкального скрипичного ключа. Отдельные абзацы заключаются в простые или фигурные скобки. В местах, по-видимому наиболее нужных, страницы перегибаются пополам, отчеркиваются или перечеркиваются. Отметки такого рода сопровождаются несколькими словами, большей частью на французском языке. Значки эти очень характерны, по ним можно сразу среди тысячи книг отыскать книгу Чаадаева, они имеют, по-видимому, каждый свое особое значение, которое, к сожалению, до сих пор не удалось разгадать

* Упомянутый каталог до сих пор разыскать не удалось.

и выяснение которого могло бы сделаться предметом дальнейшего изучения.

Помимо отметок на книгах интересны надписи. Надписи эти сделаны Чаадаевым обычно на листах белой бумаги спереди или позади текста и на внутренней стороне переплета. Писаны почти все, за двумя-тремя исключениями, карандашом. Отметки делались двумя различными карандашами. Более ранние — черным, поздние — красным. Надписи делались все черным карандашом, но двумя разными почерками. Известно, что Чаадаев совершенно изменил свой почерк в 1831 году и стал вместо обычной скорописи писать клинообразным почерком. Эти почерки дают возможность легко и твердо установить время надписей. Более мелкие надписи помещаются на полях прямо против вызвавшего их текста или внизу на полях под текстом. Иногда надпись переходит снизу на боковые поля, идет вдоль полей, перебрасывается на другую страницу, а иногда на белый лист позади текста [такие надписи особенно характерны на книгах: Канта «Критика чистого и практического разума» (№ 378 — *Kant I. Kritik der practischen Vernunft. Leipzig, 1818*; № 379 — *Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1818*), Дамирона «Очерк истории французской философии в 19-м веке» (№ 212 — *amiron J. P. Essai sur l'histoire de la philosophie en France au dix-neuvième siècle. Leipzig, 1828*), А. Сталь «Письма об Англии» (№ 631 — *Stael A. L. G. Lettres sur l'Angleterre. Paris, 1825*) и др.].

Отрывки из «Философических писем», философские мысли и афоризмы большей частью помещены перед текстом [см. на книгах «История» Тита Ливия 2-й, 4-й и 6-й (№ 434 — *Livius, Titus. Histoire Romaine de Tite-Live. Paris, 1824*); на 7-м томе сочинения Бюффона (№ 159 — *Buffon G. L. L. euvres complètes de Buffon. Paris, 1817—1818*)*; на «О Германии» мадам де Сталь (№ 629 — *Stael A. L. G. De l'Allemagne. Paris, 1818*) и на «Об учении Спинозы» Якоби (№ 359 — *Jacobi F. H. Ueber die Lehre des Spinoza in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn. Breslau, 1789*)]. Даты, если они не означают времени покупки (такие даты стоят всегда спереди на внутренней стороне форзаца или переплета), помещаются обычно на нижней части полей. Большой частью — это год, число и месяц (написаны почти всегда по-французски). Вообще все надписи, за немногими исключениями, сделаны на французском языке, но есть несколько надписей по-русски, по-немецки, по-английски и даже по-италь-

* В настоящее время этот том в библиотеке П. Чаадаева не числится.

янки и по-латыни (обычно цитаты). На некоторых книгах год отсутствует, но тщательно проставлены месяц и число. Как пометки, так и надписи относятся ко всей жизни Чаадаева. Однако же большее количество их падает на 1826—1829 годы — время, когда Чаадаев работал над «Философическими письмами» и над своей доктриной. Дат после середины 30-х годов не встречается вовсе, кроме дат, указывающих на время приобретения или получения книги. Иногда одна и та же книга имеет определенно разновременные надписи. Одни — сделанные прежним беглым почерком, другие — поздним [см. книги де Местра «О папе» (№ 443 — *Maistre J. Du pape*. Paris, 1821); Сталь «О Германии» (№ 629), Якоби (№ 359)] и другие.

Как сказано выше, надписи имеют самый разнообразный характер. Грубо их можно разделить на: 1) отдельные части «Философических писем»; 2) афоризмы; 3) философские заметки и мнения, относящиеся к тексту самой книги; 4) заметки, имеющие биографическое значение, как-то — наброски писем, отзвуки споров, замечания, воспоминания; 5) надписи, относящиеся к политическим событиям; 6) даты и библиографические данные и 7) самые разнообразные заметки, записи, адреса, счета, рецепты, векселя, планы, рисунки и т. п.

В книге Симонде Сисмонди «История Франции» (№ 623 — *Sismondi J. C. L. S. Histoire des français*. Paris 1821—1844), в 5-м томе, между страницами 112—113 вклеено небольшое сочинение на 4 листах почтовой бумаги, озаглавленное «Несколько слов о Польском вопросе». Книга передана в рукописный отдел Ленинской библиотеки.

Отрывки из философических писем находятся в нескольких книгах. В книге мадам де Сталь «О Германии» (№ 629) мы встречаем вариант мыслей первого письма, надпись находится на белом листе бумаги позади текста и на внутренней стороне переплета первого тома.

«...Можно сказать, что массы народа не думают (т. е. что нет вообще одной общей мысли, за которую держится вся масса), большинство слушает только ради развлечения. Но есть умы, подчиняющие себе другие и запечатлевающие свои имена... они вызывают реакцию. Таким образом, друиды, скальды и барды прежде всего были своеобразными мыслителями, и они дали всемирной мысли свои песнопения... — А мы, скажите мне, что вложили мы в общую сокровищницу человеческих идей?».

На не существующем ныне 1-м томе «Новой истории Франции» Гизо (№ 312; заменен в 1930 г.) на белом листе позади текста было написано:

«...различные страны Европы кажутся мне провинциями одной страны. В умственном мире Запада нет ни Франции, ни Германии, ни Англии, ни Италии, Есть одна Европа и только...» На втором томе «Истории» Тита Ливия (№ 434) читаем:

«...мне хотелось бы, чтобы Вы смогли подняться и почувствовать таким религиозным и отвлеченным образом историю, так как ничего не обогащает так нашу мысль и не очищает нашу душу, как эти, хотя смутные, прозрения стоящего выше времени Провидения, ведущего человеческий род к его окончательным предназначениям... Пока не постараемся представить себе философию истории менее возвышенную, но такую, которая разливает свет на всю обширную область человеческих воспоминаний и позволяет нам, по крайней мере, предчувствовать тот яркий свет, который...»

На 7-м томе сочинения Бюффона (№ 159)* поперек чистого листа, позади текста, находится следующая, очень плохо сохранившаяся надпись: «...обвинили в парадоксальности... не претендуют ни на какую оригинальность. Если, пробегая этапы человеческих воспоминаний, мы отклонились от торных дорог, то это потому, что мы встретили живые тени прежних времен совершенно не в том виде, в каком они представлялись нам до сих пор. Это произошло именно оттого, что мы идем по новому пути. То же самое можно сказать в отношении эпох времени, если они не обладают какими-нибудь разительными особенностями. Так, проезжая одну и ту же страну в различные часы дня, два путешественника видят ее один — в одном, другой — в другом виде. Однако, если бы нас спросили, мы ответили бы, что они не сделали ошибки... Их наблюдения сделаны в зависимости от времени, но что это та же страна, в которой мы живем. Таким образом, мы можем...» По-видимому, этот отрывок является первоначальной редакцией 6-го философического письма. На 6-м томе «Истории» Тита Ливия (№ 434) позади текста стоит: «...сказал не все, что хотел Вам сказать, но нужно кончать; мы вернемся еще к этим мыслям, но не раньше, как в позднейших письмах. Будем менять и не исчерпывать наши темы. Не нужно дидактической методы, ведь мы только болтаем. Прощайте, сударыня, может быть, я и не буду больше говорить об этом в интимной беседе, где легко понимаешь один другого, если случится заняться другим предметом».

Окончание 6-го письма тоже в первоначальном варианте.

* См. предыдущее примеч.

К отрывкам из «Философических писем» относятся также и небольшие надписи па разных книгах. Например, на 4-м томе «Истории» Диодора Сицилийского (№ 231 — *iodorus Siculus. Histoire universelle de iodore de Sicile. Paris, 1758*) на внутренней стороне переплета написано:

«...если допустить, что мир создан Гомером, все пороки сделались бы в конце концов игрой, а все наиболее презренные чувства — шалостью».

Очень близки к «Философическим письмам» и некоторые афоризмы и заметки. В книге Дамирона «Очерк истории французской философии» (№ 212) читаем:

«...разве всеобщая история может быть случайна?»

И далее:

«...история — не что иное, как грандиозный опыт не одной жизни, а всех веков». И:

«...где искать положительного нравственного принципа, если не во всемирной истории».

В книге Якоби «Об учении Спинозы» (№ 359) поперек форзаца написано:

«...много говорят об истине, но знают ли, что это слово едва встречается у древних. Древние мудрецы умели говорить только о мудрости. Это же слово относится к фразеологии Писания». О значении христианства, создавшего, по мнению Чаадаева, нравственные начала, говорит следующая надпись на 3-м томе «Исторических и литературных очерков» Вильмена (№ 668 — *Villemain A. F. Mélanges historiques et littéraires. Paris, 1827—1828*):

«...обратите внимание на слово “брат”, неизвестное древним. Могущество слова — очевидное действие христианства». На том же томе Вильмена на белом листе позади текста написано:

«...испорченность средних веков характерна тем, что она не была всеобщей. Оставался стыд и примеры добра, следовательно, корректив, следовательно, жизнь».

Чаадаев очень высоко ставил христианство, однако признавал, что внешняя, обрядовая часть христианства изменяется в зависимости от времени. В надписи на книге Робертсона — Ремер «Очерк общественной жизни в Европе» (№ 574 — *Remer J. A. Abriss des gesellschaftlichen Lebens in Europe... Braunschweig, 1792*) он пишет следующее:

«...христианство, кроме своего абсолютного значения, обладает еще способностью всегда согласовываться с потребностями своей эпохи, это результат совершенной истины самого его принципа. Бережно и нерушимо сохраняя основное своего учения,

оно бесконечно изменяется в своей внешности. Только остается чувство подчиненности единству, принципу всей нравственной и прочей жизни. Это неперемнное следствие истины, которая всегда царила в христианстве и которой христианский ум должен всем пожертвовать, вплоть до своих самых глубоких убеждений».

Об отношении Чаадаева к христианству можно судить также по надписи на 1-м томе книги Родэ «О мифологии и философии индусов» (№ 575 — *Rhode J. G. Ueber religiöse Bildung, Mythologie und Philosophie der Hindus... Leipzig, 1827*):

«...Вы считаете христианство только религией, Вам надоело слышать, что оно божественно, как тому афинскому язычнику, но ведь это философия, это геометрия, это история. Если бы, не называя Христа, Вам говорили о нем как о философе (без употребления обычных избитых выражений), как о Декарте например, Вы признали бы его учение вполне разумным».

В книге Гейне «О Германии» (№ 329 — *Heine H. euvres de Henri Heine. Paris, 1835*) мы находим на форзаце еще надпись, касающуюся христианства на Востоке и на Западе:

«...последствия христианства можно не признавать только в России. На Западе все христиане, не подозревая этого, и никто не ощущает отсутствия христианской идеи».

Христианству приписывает Чаадаев и исключительную силу убеждения; так, в 1-м томе «Опыта об индифферентизме» Ламеннэ (№ 411 — *Lamennais F. R. Essai sur l'indifférence en matière de religion. Gand, 1819—1820*) он пишет:

«...если это правда, что видели где-то вне христианства людей, умирающих за свои убеждения. — Умирали за привычки, а не за убеждения (исключаю только Магомета)».

Стремление слить христианство с философией заметно в большом количестве надписей. Однако трудности такого слияния и возможности его осуществления не ускользают от Чаадаева, и он довольно путано высказывает это в надписи на 2-м томе «Опыта об индифферентизме» (№ 411):

«...нам говорят, что человеческий разум ограничен; да, он ограничен до того момента, пока он не осознал своей ограниченности. Если мудрец из племен Северной Америки говорит, что великий Дух дал человеку только частичку своего ума, и если Кант устанавливает границу, дальше которой наш разум теряется в неизвестности, — понимают ли они в этом одно и то же, пределы человеческого ума кажутся ли им одинаковыми? — Нам говорят о религии, о научном веровании, о всеобщей науке, которая свяжет религиозную мысль с остальными. — Что же. —

Возможно и желательно... Но видано ли, чтобы массы народа становились настолько учеными, чтобы воспользоваться им. Знают ли, что разум, плохо направленный, будет действовать на основании аналитической формулы электричества, выражающей индивидуальность и своеобразие физической природы».

Человеческий ум вообще кажется Чаадаеву недостаточным, нужна помощь, и эта помощь приходит свыше. На 3-м томе сочинений Сенеки (№ 616 — *Seneca L. A. Oeuvres de Sénèque la philosophie. Paris, 1795*) он пишет:

«...философия достоверностей. — Необходима доброта Иисуса Христа. — Все имеет начало в совершенной мысли Бога. — Неизбежная недостаточность сил человека — следствие ограниченности его природы. — Отсюда вытекает необходимость помощи Бога. — Как ее получить? — Она для всех, она всеобща и не требует от человека большего, чем могут дать его силы. Она не предполагает сил, она их дает...»

Некоторые надписи касаются вообще научных открытий, к таковым относится надпись на 2-м томе книги мадам де Сталь «О Германии» (№ 629):

«...нельзя сделать открытия, не предполагая заранее; затем оно доказывается и подтверждается наблюдением, опытом или рассуждением, но всегда необходимо предположение. Открытия, сделанные случайно, не принадлежат ни философии, ни даже человеческому уму, животные их тоже, без сомнения, делают, пусть же люди довольствуются этим предчувствием, пусть выражают его, ведь это божественная, пророческая способность человека».

На книге Ламеннэ «Защита опыта об индифферентизме» (№ 410 — *Lamennais F. R. Défense de l'essai sur l'indifférence en matière de religion. Lyon, 1821*) мы находим позади текста:

«...каждая математическая теорема осуществляется где-нибудь в природе, в какой-либо комбинации молекул или элементов. Математика кажется нам отвлеченной только потому, что мы не замечаем применения ее принципов к природе».

На 2-м томе «Опыта об индифферентизме» (№ 411) мы встречаем надпись об общих, свойственных всем людям, мыслях:

«...доказательством неизбежной связи мыслей являются странные совпадения. Иногда умы, исходившие из того же принципа, как и Вы, встречаются с Вами в своих заключениях».

Многие мысли и афоризмы касаются морали. Так, на том же «Опыте об индифферентизме» (№ 411) мы читаем:

«...благая весть не та, которая учит нас не делать то или другое, но быть тем или другим. Ведь действуют не всегда, а

живут постоянно. И если утром ты не то, чем должен бы был быть вечером, то не сделаешь того, что должен был сделать». На 2-м томе сочинений Сенеки (№ 616):

«...хотите ли Вы знать, что такое порывы нетерпения, которые считают такими простительными. — Представьте себе целый ряд таких порывов и Вы поймете, что это такое».

На книге Якоби «Об учении Спинозы» (№ 359) написано поздним клинообразным почерком чернилами:

«...добродетельный человек никогда не лишен ума. Умный же человек часто лишен добродетели».

На книге Дроза «Искусство быть счастливым» (№ 238 — *Droz J. Essai sur l'art d'être heureux. Paris, 1825*) на форзаце было написано переходным почерком:

«...сострадание — чувство горя других, перенесенное на себя. Можно соболезновать чужому горю и не ощущая его».

К сожалению, зимой 1933 года эту книгу отдали в переплет, а перед переплетом «почистили», в результате «чистки» надпись исчезла бесследно.

Кроме отдельных надписей, на многих книгах встречаются среди текста замечания и надписи, относящиеся к данной книге. На книге Эрскина «О религии» (№ 255 — *Erskine T. Remarks on the internal evidence for the truth of revealed religion. Edinburgh, 1821*) против места, где автор говорит о впечатлении, производимом на массу страданиями Христа, Чаадаев приписывает на полях:

«...действие этой веры в историю и жизнь Христа, особенно на простых людей, недостаточно отмечено. Столько человеческих страданий, пережитых для нашего блага, производит сверхъестественное умиление, которое ничто другое не могло бы вызвать. Вспомните католические страны юга».

В другом месте той же книги, при словах автора о любви у христиан, Чаадаев прибавляет:

«...должно всегда помнить, что нужно было вызвать любовь, что без любви ничего хорошего в человеке невозможно».

И, наконец, в конце книги, при попытке автора объяснить научно действие веры, он прибавляет:

«...таким образом нельзя убеждать в совершенном действии веры. Вера вызывает не мысли, а внутреннее чувство, которое хотя не объясняет необъяснимое, но дает возможность его почувствовать, и этого достаточно».

В книгах по математике Чаадаева весьма интересует вопрос движения. Этот интерес отражен многими надписями. На книге Био «Очерки элементарной физики» (№ 140 — *Biot J. B.*

Précis élémentaire de physique expérimentale. Paris, 1824) позади текста написано:

«...всякое движение бывает вызвано — движение интеллектуальное, как и материальное. В этом смысле и мысль передается. Ясность — не что иное, как развитие впервые вызванного Богом движения в неподвижном разуме. Поэтому мыслящие индивидуумы неизбежно должны быть приспособлены для восприятия сообщаемого движения, т. е. они должны быть эластичны и сжимаемы—одни тела больше, другие меньше».

На 3-м томе книги «Философия человеческого ума» Дугальда Стюарта (№ 634 — *Stewart D. Elémens de la philosophie de l'esprit humain. Genève, 1808—1825*) он пишет:

«...в астрономии огромность наблюдаемых материальностей или среды, в которой происходят явления; в оптике — необычайная (не имеющая равной) способность движения светового луча. Вот два случая движения: геометрическое — линейное, совершенное и единое».

Иногда он поясняет мысль автора, развивая и дополняя ее. Так, на 3-м томе той же книги Дугальда Стюарта он пишет:

«...все это происходит от силы единства, большого единства, которое мы воспринимаем или более или менее ясно, или как смутное предчувствие, и восприятие это разливает в нашей душе тот свет, благодетельную силу которого мы безотчетно чувствуем».

В книге А. Сталь «Письма об Англии» (№ 631) Чаадаева не удовлетворило утверждение автора, что общественное мнение — сравнительно новая сила, влияющая на общественное сознание, и он оспаривает автора, проводя при этом параллель между французами и англичанами с выводом в пользу последних. Он говорит:

«...напротив, нет ничего старше силы мнения. Только способы влияния мнения новы.

...в Англии есть привычки, которые более сильны, чем все легальные гарантии, взятые вместе. Если допускать, что общественное мнение преобладает над всем в Англии, то нужно знать, каким способом оно влияет. — Как, скажите, создалось бы это могучее общественное мнение, если бы англичане, подобно французам, проводили свою жизнь в кафе и на бульварах, вместо того чтобы проводить ее в клубах и среди своих семейств».

На этой книге вообще много любопытных надписей. К сожалению, большинство из них сильно срезано при переплете, сделанном еще при жизни Чаадаева, по-видимому в начале 40-х годов, разобрать можно только отдельные слова и отрывки фраз, но восстановить текст невозможно.

Большей частью на полях бывает только несколько слов. Эти небольшие пометки выражают иногда недоумение, насмешку или дополнение. В книге Якоби «Об учении Спинозы» (№ 359) при попытке автора объяснить что-то, не называя Канта, Чаадаев дополняет: «...Кант это уже сделал, я вижу».

На книге Лерминье «Философия права» (№ 424 — *Lerminier E. Philosophie du droit. Paris, 1831*) при перечислении философов, писавших о праве, Чаадаев дописывает: «И Шеллинг также».

На «Истории» Тита Ливия (№ 434) при описании римской жизни он иронизирует на полях:

«...это было еще во времена добрых нравов».

При ссылке Давида Михаэлиса на Гомера во «Введении к изучению Ветхого Завета» [№ 471 (?) — *Michaelis J. D. Deutsche Uebersetzung des Alten Testaments... Göttingen, 1773—1787*] Чаадаев возражает:

«...между Гомером и нашим временем протекло немного более 750 лет».

При напрасном обвинении протестантов католиком Маллером [№ 485 (?) — *Moehler J. A. La symbolique ou exposition des contrariétés dogmatiques entre les catholiques et les protestans... Besançon, 1836*] в единстве Церкви он говорит:

«...ведь протестанты говорили то же самое».

На книге Доннэ «Катехизис Триентского собора» (№ 177 — *Catéchisme du Concile de Trente. Paris, 1826*) он постоянно дополняет параграфы постановлений; в одном месте он поясняет: «против испанской ереси», в другом — «все эти вопросы разрешены в Триентском соборе в другом каноне».

Против места, показавшегося ему малоубедительным, он пишет по-русски:

«...привести форму силлогизма».

На книге Мейнерса «Всеобщая история религии» (№ 462 — *Meiners Ch. Allgemeine kritische Geschichte der Religionen. Hannover, 1806—1807*) Чаадаев по-немецки возражает автору, приводившему для доказательства своего мнения о психологии первобытных людей примеры из жизни необразованных и суевренных современников:

«...необразованные и полуобразованные люди — не люди природы и тем более не первобытные люди».

Иногда против слов неговоренного автора Чаадаев надписывает имя этого автора: Беркли, Аристотель, Декарт, Спиноза, Вольтер и другие. В другом месте при упоминании в поэме

Альфреда де Виньи * статуи Микеланджело он поясняет — «Моисей».

В некоторых местах он только переводит цитаты, приведенные по-латыни, иногда же зло полемизирует с автором. Особенно часто и охотно он полемизирует с протестантами, и книги Давида Михаэлиса (№ 471—473) покрыты такими надписями. «Ум не знает чудес», — замечает он против места, где отвергавший сверхъестественное вмешательство автор противоречит себе.

Или же он пишет:

«...я никогда не мог найти настоящих противоречий, противоречий поражающих, но ведь есть же глупцы, которые без труда находят способ придерживаться буквы даже Писания».

Чаадаева интересует вопрос воскресения; во всех книгах, где говорится о нем, он внимательно отмечает наиболее важные мысли, но определенного ответа он нигде не находит и в книге Гердера «Духовное сочинение» [№ 333 (?) — *Herder J. G. Christliche Schriften. Riga, 1794—1798*], в статье о воскресении, он раздраженно замечает:

«...этот человек все время твердит нам о воскресении, но так и не говорит, как он его понимает...»

А в сочинениях Сенеки (№ 616) на 2-м томе пишет: «Ведь Христос не знал, что он воскреснет...» А немного ниже: «А Вы, порождения ехиднины, воскреснете ли Вы?»

На многих книгах он пытается установить известную преемственность у древних и новых философов. Например, на «Критике практического разума» Канта (№ 378) он пишет: «Стоики — Платон — Христос». На книге Ламеннэ (№ 409—412): «Моисей — Магомет — Ньютон».

На книге Лампа «Синхронистические таблицы» (№ 413 — *Lamp J. F. Tables synchronistiques de l'histoire ancienne et moderne... Paris, 1825*) — он пытается дать своеобразную схему истории средних веков. На внутренней стороне переплета он пишет:

«...IV век — святой Августин (Африка), святой Иерон.

V век — Пелагий (Англия).

VII век — святой Галл в Швейцарии — VII век — св. Августин в Англии.

VIII век — св. Бонифаций в Германии.

IX век — Фотий (разделение Церквей. Папа Иоанн) и 816 год.

* Данный автор в настоящее время представлен в библиотеке только произведением «Les consultations du docteur noir».

Джон Скотт и Эригена, Альфред Великий. — Готическая архитектура (Страсбургский собор, 1130 г.)*.

Гильдебранд — 1070 — номиналисты и реалисты — крестовые походы, 1090.

XII век — трубадуры. — Абелярд, 1130 г.

XIII век — университет в Париже, 1210 г. Университет в Саламанке, 1239 г. — Университет в Сорбонне. — Университет в Кембридже, 1250 г. Фома Аквинат. — Чимабуэ, 1286 г.

XIV век — Данте, 1321 г. Петрарка, 1340 г.».

Особенно много надписей встречается на Библиях разных переводов и изданий. На Библии (перевод Метра де Саси) (№ 137 — *La sainte Bible, contenant l'ancien et le Nouveau Testament. Paris, 1822*) на полях против заповеди помощи бедным Чаадаев спрашивает: «Значит, бедные люди будут всегда?» В другом месте, при описании избрания судей и обращения евреев к Богу, он замечает: «Следовательно, был какой-то способ к нему обращаться. Это нам показывает, как понимали Бога евреи». В другом месте он приписывает: «Филон и Иосиф Флавий ничего не говорят об этом».

Среди надписей, имеющих биографический характер, мы встречаем надпись на 4-м томе «Истории» Тита Ливия (№ 434); надпись эта, по-видимому черновик какого-то письма, интересна тем, что в ней упоминается имя Пушкина, хотя это упоминание довольно загадочно.

«...эта любезность меня слишком утомляет, я не обладаю двойным здоровьем, она совершенно излишня, потому что оценить ее невозможно. И знай Вы об этом вдвое больше, чем Вы знаете, Вы не сомневались бы в той усталости, которую она мне причиняет... Среди всего этого не видишь никого, кроме себя, — невозможно понять сегодняшний день, когда не знаешь вчерашний... Вы думаете, мы разговариваем, в то время как я толкую о морали... никто ничего не выигрывает. Жертва не имеет никакой цены; она ничего не дает ни тому, кто ее приносит, ни тому, для кого она сделана. — А пока справедливость, разумность, правда — все попорно...

Терпимость, а Пушкин — напрасно унижаешь самого себя?»

К биографическим надписям относится и поздняя заметка клинообразным почерком на 2-м томе книги мадам де Сталь «О Германии» (№ 629).

* Очевидно, у Чаадаева в дате описки.

«...находят, что я притворяюсь — как не притворяться, когда живешь с бандитами и дураками.

Во мне находят тщеславие, это — гримаса горя»,

К таким же биографическим надписям относятся небольшие заметки на книге «Подражание Христу» (№ 221 — *e l'imitation de Jésus-Christ, en quatre livres. Paris, 1796*), где мы читаем: «Брат, бедный брат, 1825 г.». Или там же: «День свадьбы Катеньки» и т. п.

Иногда встречаются отголоски споров Чаадаева со славянофилами, особенно с Хомяковым. На книге Мишле и Кинэ «Иезуиты» (№ 479 — *Michelet J., Quinet E. Des jésuites. Paris, 1843*) он пишет:

«...каждый день Вы выдумываете новую формулу для подкрепления Вашей системы, потом Вы начинаете няньчиться с ней с отцовской нежностью. Я понимаю это, но какое мне до этого дело... он всегда делает вид, что снисходит, когда спорит, у него всегда вид, как будто ему жаль не разделяющих его мнение людей... Нет более сострадательного человека. чем он, — посмотрите, как он сожалеет тех, кто не согласен с ним. — Он гегелианец, как и Вы. Он не выносит управления большинства... Итак, Вы хотите обезглавить общину — *обезглавить общину...* (по-русски). А слышали ли Вы о поэте Боярде?»

На естественно-историческом словаре Журдана (№ 372 — *Jourdan A. J. L. Dictionnaire raisonné... Bruxelles, 1837*) сохранилась наполовину счищенная надпись, также полемизирующая со славянофилами; надпись эта сделана по-русски и по-французски; была разделена на 11 абзацев, из которых четыре первых совершенно стерты. Привожу 11-й абзац:

«...итак, эта образованность, к которой хотят нас обратить, есть не что иное, как нерешенная загадка; самых основных начал ее, по словам Вашим, нельзя ни выразить, ни понять. Чтобы их найти, говорите Вы, их надо искать. Из нее остались только намеки. И вот по какому пути мы должны к ней возвратиться! Вот до чего довести может слепое послушание одной отвлеченной мысли!»

Полубиографический, полуполитический характер имеет надпись на книге Мартенса «Дипломатический путеводитель» (№ 455 — *Martens K. Guide diplomatique... Leipzig, 1832*). Она относится к тому времени, когда Чаадаев хотел поступить на службу.

«...Я согласен с Вами. Мне кажется, что опасность действительно существует. И главным образом потому, что правительство станет на сторону народа... Боде может быть в Вюртенбер-

ге, нужно прежде всего сблизиться с Баварией. К несчастью, у меня нет сомнений *Jo pus dutto* (по-итальянски)... Никто не считает... более способным.... Миссия во все правительства Германии. — Система миссий. — Вспомните императора Александра. — Система жестоких репрессий будет иметь нежелательные результаты».

Надписей, касающихся политических событий, немного, а о русской действительности — нет совершенно, если не считать одного косвенного намека на 1-м томе «Новой истории» Гизо (№ 312), где на внутренней стороне переплета было написано:

«...чиновники, избранные цехами, совершенное ничтожество, как наши».

Упоминания о Священном союзе и императоре Александре I есть в книге Балланша «Человек без имени» (№ 109 — *Ballanche P. S. L'homme sans nom. Paris, 1823*), где против слов о завещании Людовика XVI, названного автором «достойным уважения актом», Чаадаев пишет:

«...я говорю то же самое о Священном союзе».

К политическим надписям относится и датированное предсказание Чаадаева о грядущих событиях во Франции. Надпись эта сделана на форзаце книги Ламартина «Гармонии» (№ 403 — *Lamartine A. Harmonies poétiques et religieuses. St.-Petersbourg, 1830*) и помечена 10 августа 1830 г., т. е. через три недели после отречения Карла X и через четыре дня после провозглашения королем Луи-Филиппа, герцога Орлеанского. Впрочем, по всей вероятности, об этом событии до Москвы еще не дошло.

«...что будут делать Шатобриан и Ламартин. Корона будет предложена герцогу Орлеанскому... Он ее примет. Король придет... Вскоре он станет бессилен... Позднее корона будет предложена дофину. Он ее примет. Вмешается Россия. Алжир перейдет к англичанам. В 1835 г. Карл или его сын будут восстановлены. А пока что герцог Орлеанский будет корчить республиканца и Наполеона. Он будет воевать и будет разбит».

Во 2-м томе сочинений фон Визина (№ 75 — *Фонвизин Д. И. Полн. собр. соч. М., 1830*), в дневнике путешествия последнего, при описании какого-то праздника и патриотических чувств французов Чаадаев не то недоверчиво, не то с удовлетворением замечает над строкой: «в 1777 г.».

Всего меньше надписей на книгах социологического и экономического характера, хотя таких книг довольно много и в них много пометок. Особенно много пометок на книге Оуэна «Книга нового духовного мира» (№ 527 — *Owen R. Le livre du nouveau monde moral.... Paris, 1847*). Пометки эти относятся к

1848—1849 годам. На «Трактате политической экономии» Детьо де Траси (№ 225 — *Destutt de Tracy A. L. C. Traité d'économie politique*. Paris, 1823) позади текста начато: «Вопрос заработной платы и пролетариата нас не касается...» Очевидно, надпись должна была продолжаться, потому что вслед за последним словом написано еще одно неразборчивое слово и, по-видимому, несколько — стерто.

Среди мелких надписей, встречающихся на разных других книгах, нужно упомянуть о надписях — цитатах на сочинениях Фихте, Канта и Спинозы; на «Фактах сознания» Фихте (№ 267 — *Fichte J. G. Die Thatsachen des Bewusstseins*. Stuttgart—Tübingen, 1817) на внутренней стороне обложки написано «*Cogito ergo sum*». На «Критике практического разума» (№ 378), на внутренней стороне форзаца, под пометкой даты покупки написано: «Он не был светом, но он свидетельствовал о свете». На «Критике чистого разума» (№ 379) на заглавном листе слова «критика чистого» подчеркнуты и сверху написано по-немецки: «апологет Адамова (разума падшего человечества) разума». И, наконец, на титульном листе сочинений Спинозы, озаглавленных «Философские сочинения Спинозы» (№ 626 — *Spinoza B. Spinoza's philosophische Schriften*. Gera, 1787), перед словом «Спиноза» вписано по-немецки же: «простодушного».

Среди приведенных выше, далеко не исчерпывающих всего количества надписей на книгах Чаадаева, нет ни одной, в которой он высказал бы свой взгляд на поэзию. Этот пробел может быть восполнен надписью Чаадаева на его же книге, присланной им Пушкину. В сделанном Б. Л. Модзалевским описании книг Пушкина (см.: Пушкин и его современники. Вып. 9—10) сказано: «540. *Ancillon Fréd. Pensées sur l'homme, ses rapports, ses interets*. Berlin, 1829. 2 тома». В 1-м томе 8 отметок Чаадаева и выдержка из Бюффона. Во 2-м томе надпись позади текста, причем Модзалевский прибавляет, что на внутренней стороне переплета и форзаца есть еще полустертая неразобранная надпись. В 1933 г. эта надпись была разобрана Т. Г. Зенгер-Цявловской и любезно предоставлена Д. И. Шаховскому. Надпись эта сделана по-французски и гласит:

«...мозг поэта построен иначе, не в смысле образования идей, но в смысле их выражения. Ведь не мысль делает человека поэтом, а ее выражение. Поэтическое вдохновение — вдохновение словом, а не мыслью. Поэтический язык — сама поэзия. Разве есть поэты в прозе?.. Только французы, такой, несомненно, прозаический народ, могли вообразить, что во Франции есть поэты. Верно, что их поэты — прозаики, но не... что их про-

изведения поэтичны. Говорят: образ, образ... Но образ — это материал поэзии, а не поэзия, если он не выражен поэтически, это — просто геометрическая фигура и ничего более».

Совершенно особое место в библиотеке занимает, несомненно, принадлежащая Чаадаеву книга Юнга-Штиллинга «*Theorie der Geister — Kunde in einer Natur*» (№ 376), или как она переведена Лабзиным — «Приключения после смерти». Книга эта интересна тем, что послужила материалом для известного «мистического дневника», приписывавшегося после Кирпичникова всеми исследователями Чаадаеву. Только в 1933 году Д. И. Шаховскому удалось доказать, что дневник этот принадлежит не Чаадаеву, а его другу Облеухову (см.: Декабристы и их время. Вып. 2. Ст. «Чаадаев и Якушкин»). Книга из библиотеки Чаадаева еще раз подтверждает правильность этого утверждения. Ни М. О. Гершензон, ни Д. И. Шаховской не знал о существовании этой книги, найденной во время (восстановления) библиотеки. Книга издана в 1807 г. в Нюрнберге; она довольно потрепана и вся испещрена надписями и пометками. Все надписи писаны одной рукой, ровным каллиграфическим почерком, причем везде почти указано точно время чтения, т. е. год, число, час, минуты, а иногда и события, предшествующие событию или вызвавшие его, например «пополудни», «*ad verbum*», «до обеда», «*ad sonnibum*» и т. д. Надписи сделаны на русском, французском, латинском, немецком и греческом языках. Отметки сделаны двумя руками. Выписанные и замысловатые принадлежат автору надписей — Облеухову. Нервные, резкие, без всякой заботы о их красоте — Чаадаеву. Отметки Чаадаева — довольно ранние, на всю книгу их приходится 50, а остальное количество отметок — от 150 до 200 — принадлежит Облеухову. В низу с. 374 и 375 написаны те же стихи из «Семирамиды» Вольтера и из «Вечернего размышления о Божием величии» Ломоносова, что и в дневнике. Находка этих стихов натолкнула на мысль сравнить руку дневника с рукой, писавшей в книге. После тщательного сравнения оказалось, что дневник писан той же рукой. По-видимому, дневник велся сначала на книге, т. е. подчеркивался немецкий текст и писались французские комментарии, а затем переписывались в тетрадь, причем комментарии увеличивались, а иногда добавлялись. Таких тетрадей было, по-видимому, три. Уцелевший дневник — последняя тетрадь, она начинается с параграфа 30 на страницах 370 и 371, и надписи комментируют весь конец книги. Что дневник переписывался, свидетельствует и надпись в нем (см. с. 46 1-го тома «Соч. и пис<ем>» Чаадаева, изд. Гершензона), там стоит: «*cop. incip.*

31 января 1825 г., post 9 $\frac{1}{4}$ час.»; и последняя часть дневника — с. 52: «Lie transcrib. 26 1825. П 21 $\frac{1}{2}$ гесер. а К».

На 1-й странице текста, в самом верху книги мелким, без нажима почерком написано: «incip. 30 juill 824, 6'6 м. поплудни. 117 и след.».

Записи дневника почти совершенно тождественны с надписями в книге, и только иногда в книге они более сжаты. В книге во многих местах встречаются даты: 1822 и 1824 г. Но все эти даты написаны, безусловно, не Чаадаевым.

Любопытно различное отношение к книге авторов отметок. Чаадаева интересуют более всего общие метафизические вопросы, но он совершенно не останавливается на различных случаях явлений, предчувствий и т. д. Отметки его кончаются на 367 с., как раз за 2 страницы до начала существующей тетради «Дневника». И больше его отметок совершенно нет.

Отметки Облеухова рассыпаны по всей книге. Он ничего не ищет, ничего не выбирает, он весь под авторитетом (гипнозом) Штиллинга. Без сомнения, эту книгу Чаадаев получил от Облеуховой после смерти ее мужа вместе с дневником. Но, по-видимому, не эту книгу передал Чаадаев Облеухову для чтения. В «Дневнике» заглавие книги указано по-русски, вряд ли пунктуально точный Облеухов стал бы переводить заглавие. К тому же в «Дневнике» говорится о собственноручной надписи на книге лица, подарившего ее. Такой надписи в книге нет, как вообще нет надписей.

Библиотека Чаадаева обследована еще далеко не совсем. Работа эта чрезвычайно кропотливая благодаря большому количеству трудноразбираемых надписей и пометок, берет очень много времени. Однако, по-видимому, все более значительные надписи уже зафиксированы, но много надписей пропало безвозвратно. Бывшие большей частью без переплета книги ветшали и заменялись другими; книги же, изъятые из библиотеки, попадали в число дублетов и иногда передавались в другие книгохранилища. Публикация этой статьи до окончания исследования библиотеки и вызвана отчасти теми соображениями, что указания на отметки и надписи на книгах Чаадаева могут вызвать в других библиотеках, в которые попали эти книги, интерес к их изучению и к возможному отысканию их.

